

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-85-90

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ РАВНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ВЕРСИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

© *Владимир Рафаэлевич Саркисянц¹, Марина Валентиновна Рябова²*

^{1, 2}*Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия*

¹*vladimir782005@yandex.ru* ²*zamuvr@inbox.ru*

Аннотация. Исследуется проблема перевода международно-правовых документов с точки зрения требований, предъявляемых переводческими конвенциями и требованиями международного правового регулирования. Утверждается, что дихотомия языка и прав обусловила необходимость прояснения актуальных вопросов практики международно-правового перевода. Показано, что принципиально общие правовые реалии получают не тождественное выражение в национальных законодательствах через призму национальной языковой реализации. Такое положение выводит проблему международного правового взаимодействия в пограничную область права и перевода. Доказывается, что допускается использование не только основного средства толкования, устанавливающего общие правила разъяснения международных договоров, но и дополнительных инструментов для решения подобных задач.

Ключевые слова: международно-правовой договор, официальный язык, рабочий язык, интерпретация, эквивалентность, правовая неопределенность, языковая версия.

Для цитирования: Саркисянц В.Р., Рябова М.В. К вопросу о концепции равной достоверности языковых версий международных нормативных правовых актов // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 105. № 4. С. 85-90. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-85-90

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

On the issue of the concept of equal reliability of language versions of international normative legal acts

© *Vladimir R. Sarkisyants¹, Marina V. Ryabova²*

^{1, 2}*Russian state university of justice, Rostov branch, Rostov-on-Don, Russian Federation*

¹*vladimir782005@yandex.ru* ²*zamuvr@inbox.ru*

Abstract. The problem of translation of international legal documents is investigated from the point of view of the requirements imposed by translation conventions and the requirements of international legal regulation. It is argued that the dichotomy of language and rights necessitated the clarification of topical issues of the practice of international legal translation. It is shown that fundamentally common legal realities are not identically expressed in national legislations through the prism of national linguistic reality. This situation brings the problem of international legal interaction into the border area of law and translation. It is proved that it is allowed to use not only the main means of interpretation, which establishes general rules for clarifying international treaties, but also additional tools for solving such problems.

Key words: international legal agreement, official language, working language, interpretation, equivalence, legal uncertainty, language version.

For citation: Sarkisyants V.R., Ryabova M.V. On the issue of the concept of equal reliability of language versions of international normative legal acts. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 105. No 4. P. 85-90. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-85-90

Введение

Общеизвестно, что лидерами по частоте переводов юридических текстов являются международные договоры и подобные им документы. Такое положение объясняется тем, что в соответствии с принципом равенства государств-участников договорных отношений международные правовые документы могут быть многоязычными. Этим демонстрируется высокий статус документа и одновременно уважение к суверенитету каждого государства, а следовательно, соблюдается принцип равноправия государств в международных отношениях [4, с. 3].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что международное признание национального языка государства-участника в качестве одного или (что бывает реже) единственного официального языка международного договора является одновременно и выражением и культурно-языковой самобытности, и ее признанием. В случае с моноязыковым международно-правовым актом в подавляющем большинстве случаев его официальным языком является английский, реже – французский. Природа международно-правовых документов определяет наличие как минимум двух стран-участниц той или иной договоренности. При этом, что естественно, правовая система одного государства не в полной мере соотносится с системой другого. Этим и объясняются стилевые и терминологические отличия актов международных от внутригосударственных.

Особенное внимание при переводе международных договоров стоит уделять процессу установления аутентичности текста, то есть исключению возможной двусмысленности при создании текста перевода, чтобы избежать правовой неопределенности. Пожалуй, за исключением общепринятых, конвенциональных аспектов права как системы, сложно найти правовые концепции, которые бы совпадали в полной мере в национальном законодательстве стран-участниц. Отдельно следует обращать внимание на неоправданное калькирование, межъязыковые омонимы, паронимы и тому подобные лингвистические казусы, получившие название «ложные друзья переводчика» [3, с. 67].

Обсуждение

Ключевым условием и важнейшей задачей при переводе подобных документов является достижение максимального уровня межъязыкового тождества, исключение двусмысленностей и разночтений. В противном случае некомпетентность работы переводчика и в особенности результат этой работы могут стать причиной нежелательных международных споров и еще менее нужных судебных разбирательств, а также уже упомянутой юридической неопределенности [5, с. 261].

Правовой процесс заключения соглашения подразумевает ведение переговоров – конструктивного диалога между представителями государств или иных субъектов международного права. Как правило, коммуникация осуществляется на одном из выбранных сторонами языков, если только организация, в рамках которой заключается соглашение, не предусматривает иного. Выбранный язык межгосударственного общения в этом случае называют рабочим, и, как правило, именно на нем в дальнейшем составляется текст, в котором язык договора уже имеет статус официального языка. Тем не менее, на практике международный договор нередко составляется более чем на одном языке. И оба они, если это согласовано сторонами, являются официальными.

Официальный язык международного договора признается аутентичным, а тексты документов, выполненные на таком языке имеют полную юридическую силу. При этом важно отметить, что по соглашению сторон это может быть не только официальный язык одной из стран договора, а в случае двусторонних договоров обоих государств, но и какой-либо третий язык. Общим правилом является соответствие рабочего языка официальному. Обратная зависимость наблюдается значительно реже. Это означает, что не все официальные языки обязательно используются в рабочем процессе формирования первичного текста, то есть на этапах разработки международного договора. Как показывает практика, в большинстве случаев, для удобства и эффективности подготовительная работа ведется лишь на одном языке.

А второй или даже несколько языков могут быть добавлены в качестве официальных в конце процесса составления текста и заключения договора [1].

Именно в этот момент возникает необходимость в переводе. Следует подчеркнуть, что одновременно с переводом документ на новом языке получает аутентичный, по сути независимый от исходного документа статус, и перестает быть переводом. Вновь созданный документ становится полноценным нормативным текстом, создающим права и обязанности, порождающим юридические последствия для сторон. Основным источником обеспечения права международных договоров – Венская конвенция 1969 г. – в статье 33 раздела, касающегося толкования международных соглашений, фиксирует принцип равной достоверности. Он полностью подтверждает описанное выше: если подлинность международного договора подтверждена на двух или более языках, то каждый аутентичный текст считается независимым для целей толкования судом, и ни один текст (даже оригинал) не должен иметь преимущественной силы в случае двусмысленности или текстуального различия между версиями на различных языках. Фактически каждый вариант договора, выполненный на ином языке с соблюдением процедурных требований, в правовом отношении считается оригинальным текстом документа.

Поэтому ни один из языковых вариантов текста соглашения не может иметь преимущественной силы как при толковании, так и при применении договора. Особенно если речь идет о расхождениях или значительных несоответствиях между различными текстами (если только стороны не договорились об ином). Здесь следует подчеркнуть уместность использования понятия «языковая версия» вместо «перевод». Такая формулировка призвана полностью исключить само возникновение вопроса, имеется ли соподчинение и зависимость между аутентифицированными текстами на разных языках. Под заверенным (именно это слово является определяющим) подразумевается текст, имеющий всю полноту юридической силы, так как он удостоверен и принят самим органом, принимающим международный договор. Следовательно, после официального заверения перевод становится полноценным договором и нормативным правовым актом во всех его смыслах, предметах и целях.

Также с концепцией равной достоверности языковых версий связана презумпция равного значения, которая находит отражение в третьем абзаце уже упомянутой статьи 33 Венской конвенции 1969 г. «О праве международных договоров». Очевидно, что если все языковые версии одного документа признаны юридически равными, то их значение также признается равным. Все положения и смыслы языковых версий должны вытекать из одних и тех же целей и приводить к одинаковым результатам [1].

Общеизвестно, что один текст, составленный на нескольких языках, не может иметь абсолютно идентичное значение в переводе в силу особенностей и различий языковых моделей и сопутствующих факторов. Именно для преодоления этой проблемы в работе над официальным переводом применяются сравнения и интерпретации [6, с. 120].

В правоприменительном процессе возможно апеллировать к версиям документа на разных языках, чтобы извлечь из текста реальный и максимально полный смысл. Такой подход может привести не только к упрощению в процессе толкования, но и к усложнению и еще большему запутыванию и созданию дополнительной неопределенности.

Использование обязательного для международных договоров принципа равной аутентичности представляется неочевидным. Вместе с тем необходимо учитывать, что презумпция равного значения предполагает абсолютно идентичную смысловую нагрузку каждой версии, а также общее направление и единые цели. Поэтому на практике выбор какого-либо варианта не имеет решающего значения. Именно по этой причине значительная часть международного юридического сообщества заявляет о том, что презумпция равного значения не должна толковаться как нечто, дающее право и свободу в части одновременной работы с несколькими версиями, их анализа и сравнения.

Наоборот, эта презумпция как бы ограничивает правоприменителя, которому надлежит опираться в своей деятельности лишь на один из вариантов – но только до тех пор, когда не

будут выявлены возможные смысловые расхождения [7, с. 19]. При возникновении таких проблем работа правоприменительной системы осложняется, поскольку на нее ложится вся ответственность за процедуру сравнения различных языковых версий и устранению всех потенциально возможных расхождений в значениях текста [2, с. 45].

Актуальным остается вопрос выбора правоположения, выраженного в тексте документа и языка, на котором изложен текст. «Основной» документ после процедуры аутентификации и официального принятия переводов фактически перестает существовать как лингвистический и правовой факт. То есть правоприменителю предстоит поиск и толкование «контекста» договора, причем «контекст» на основании статей 31 и 32 Венской конвенции 1969 г. понимается расширительно и выходит далеко за рамки формально лингвистических представлений о термине. Здесь, оперируя в лингвистической парадигме, стоит говорить о некоем «глобальном макроконтексте». (Сf. Большой лингвистический энциклопедический словарь «Языкознание»: *«макроконтекст – окружение исследуемой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом. [...] То же относится к трактовке символов»*. И статья 31 пункт второй: *«2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:*

а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору. [...]» [1]

Положения статьи 31 приводят к закономерному вопросу об установлении объекта толкования – «документ» как материальный объект, содержащий некий объем информации, в нашем случае, порождающий правоотношения, или «текст», как средство и пространство речевого оформления той самой информации, которая составляет содержание документа. Учитывая правовую и лингвистическую неопределенность правоприменитель, основываясь на действующем законодательстве принимает самостоятельное решение о том, как согласовать параллельный текст в каждом конкретном случае. Универсальной техники и методологии принятия подобных решений в международном праве в настоящий момент не существует.

Основываясь на решении Международного суда, Сьюзен Сарчевич отмечает: «Если значение (или несколько идентичных значений) являются более широкими в сравнении с другими, то преимуществом должно обладать значение, которое имеет наименьший знаменатель применительно ко всем текстам» [7, с. 18]. При решении подобной практической задачи ключевым аргументом являлся Четвертый пункт статьи 33 Конвенции. Из него следует, что при наличии расхождений в процессе сравнения нескольких языковых версий международного договора, устранение противоречий надлежит осуществлять в соответствии с подготовительными материалами к соглашениям, составленным на ранней стадии, и сопоставлять текст со всеми обстоятельствам заключения этих соглашений [1]. Если такой подход не приводит к решению задачи, далее следует руководствоваться преобладающим пониманием для обеспечения единообразия. Если и этот метод не будет достаточным, международный договор необходимо толковать в соответствии с его объектом и целью.

Формулировка этой статьи допускает использование не только основного средства толкования, устанавливающего общие правила разъяснения международных договоров, но и дополнительных инструментов для решения подобных задач. Также можно сделать вывод, что технологии устранения противоречий эволюционирует другим путем, придавая первоочередное значение и больший вес первоначальному, исходному тексту, что не только не оговаривается в статье 33 Конвенции как допустимое, но и наоборот – прямо запрещается [7, с. 19].

Государства и иные субъекты международного права обладают известной свободой в составлении соглашений наиболее подходящим для всех сторон образом. Единого регламен-

та в отношении текстовых особенностей международных договоров не существует. Тем не менее, следует отметить, что в основном субъекты таких договорных отношений преимущественно идут по договорной модели, подобно контрактной.

Венская конвенция 1969 г. как правовая основа для регулирования самого процесса составления международных договоров весьма уместна в качестве примера, в котором наглядно демонстрируются все компоненты, являющиеся предметом нашего рассмотрения. Д. Сао отмечает, что обязательными элементами международных переводов являются заголовок, преамбула, статьи с основными положениями, заключительные положения, положение об утверждении или «testimonium». А также блок подписей и приложения, которые могут включать протоколы, обмен письмами, согласованные протоколы или графики [2, с. 40].

Что касается как публично- так и частноправовых текстов, то в случае, когда стороны договорились придерживаться единой определенной модели, форма приобретает такое же значение, как и содержание. Преамбула содержит «имена высоких договаривающихся сторон, причины, назначенных полномочных представителей, обмен и пересмотр полномочий, положение о соглашении» [2, с. 42]. То есть в преамбуле описывается предыстория договора, его объект и цель (либо цели). Именно смысловое наполнение преамбулы нередко становится единственным источником аргументации в процессе судебного толкования.

Как правило, эта часть соглашения формулируется в виде одного предложения, однако графически текст разделяется на отдельные условные синтагмы. Такое оформление продиктовано необходимостью визуального выделения каждого компонента, что упрощает прочтение и восприятие преамбулы. Заканчивается преамбула квазификсированной формулой (включающей или просто указывающей на предмет согласования), представляющей главную часть договора – основные положения. Они содержат преимущественно определения, права и обязательства соглашения сторон, положения о правоприменении и разрешении споров. Сформулированные так, как это принято в национальном законодательстве – с описательной и предписывающей частью.

Следует отметить, что завершающая часть текста договора представляет наибольший интерес в рамках настоящего исследования. Помимо сведений о возможных изменениях в тексте договора, правилах урегулирования спорных вопросов, статусе приложений, подписании, вступлении в силу, ратификации, присоединении к договору и т.д., заключительные положения обычно включают и положения об аутентичных текстах с указанием официальных языков договора. Тем самым в договоре отдельно и особо подчеркивается, что все языковые версии в полной и равной мере друг другу.

Выводы

Учитывая важнейшую роль, которую приобретают переводы международных договоров, целесообразным представляется повысить уровень верификации их текстов, таким образом значительно снизить риски возникновения текстовых расхождений, что как уже было отмечено, ведет к правовой неопределенности. Только надлежащим образом составленный, однозначно переведенный и в обязательном порядке проверенный уполномоченными экспертами документ является «беспристрастным подтверждением» того, что все языковые версии полностью совпадают и, следовательно, эквивалентны [6, с. 127]. В качестве одного из промежуточных решений таких задач целесообразным представляется создание в рамках международных организаций специальных унифицированных тезаурусов, которые подобно «Гармонизированной системе описания и кодирования товаров» будут способствовать повышению уровня эквивалентности текстов-договоров, что в значительной степени снизит вероятность судебных разбирательств.

Список источников

1. Венская конвенция 1969 года «О праве международных договоров». – URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 03.06.2024).

2. *Cao D., Zhao X.* Translation at the United Nations as Specialised Translation // The Journal of Specialised Translation, Issue 09, January 2008. P. 39–54.
3. *De Groot G-R, Van Laer C. J-P.* The Dubious Quality of Legal Dictionaries // International Journal Of Legal Information. 2006. Vol. 34:1. P. 65–86.
4. *Galdia M.* Comparative law and legal translation // The European Legal Forum (E). 1-2003. P. 1–4.
5. *Focsaneanu L.* Les langues comme moyen d'expression du droit international // Annuaire français de droit international. 1970. Vol. 16. Pp. 256–274.
6. *Sacco R.* Translation in Law – Zaccaria G, Lit Verlag, Munster-Hamburg – London, Language and Law, 2000. P. 113–130.
7. *Sarcevic S.* Legal Translation and Translation Theory: a Receiveroriented Approach, Legal translation: history, theory/ies and practice. International colloquium University of Geneva, February 17–19, 2000: [proceedings]. Berne: ASTTI, cop. 2000.

References

1. The 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. – URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 03.06.2024).
2. *Cao D., Zhao X.* Translation at the United Nations as Specialised Translation // The Journal of Specialised Translation, Issue 09, January 2008. P. 39–54.
3. *De Groot G-R, Van Laer C. J-P.* The Dubious Quality of Legal Dictionaries // International Journal Of Legal Information. 2006. Vol. 34:1. P. 65–86.
4. *Galdia M.* Comparative law and legal translation // The European Legal Forum (E). 1-2003. P. 1–4.
5. *Focsaneanu L.* Les langues comme moyen d'expression du droit international // Annuaire français de droit international. 1970. Vol. 16. Pp. 256–274.
6. *Sacco R.* Translation in Law – Zaccaria G, Lit Verlag, Munster-Hamburg – London, Language and Law, 2000. P. 113–130.
7. *Sarcevic S.* Legal Translation and Translation Theory: a Receiveroriented Approach, Legal translation: history, theory/ies and practice. International colloquium University of Geneva, February 17–19, 2000: [proceedings]. Berne: ASTTI, cop. 2000.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 20.07.2024.
